

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ДЛЯ РЕШЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ЭКОНОМИКИ

Р. Т. Зяблюк

В статье анализируются методология и основные теоретические положения неоклассического направления экономической теории и классической политической экономии на диалектическом этапе ее развития. Политическая экономия располагает аппаратом, способным отобразить экономику как органическую целостность, все части которой связаны единым законом развития. Это позволяет восполнить пробел, возникший вследствие потери мейнстримом значительной части действительной экономики. Важнейшим аспектом метода политической экономии является диалектический процесс превращения форм. Этот процесс раскрывает развитие экономики. Механизм взаимопревращения экономических форм необходим для понимания эволюции современной экономики, в том числе инновационного процесса.

Политическая экономия возникла на этапе генезиса капиталистической экономики во времена меркантилизма как ответ на решение сугубо практической задачи о богатстве нации (государства, страны) и способах его увеличения. На дальнейших этапах этой экономики проблема содержания и источника богатства являлась центральной с позиции каждой отдельной страны, ибо от ее решения зависит конкурентоспособность экономики в целом, ее отраслей, предприятий и фирм. Классическая политическая экономия опровергла предложенные меркантилизмом решения о природе и источниках богатства страны, сохранив исследование проблемы в качестве основной и конечной цели теоретического исследования капиталистической (рыночной) экономики. Помимо этого сохранен классиками и макроэкономический подход к решению проблемы богатства. Полученные классиками позитивные ответы о товарной природе богатства в капиталистическом обществе, о материальном производстве и труде как источнике и создателе богатства, о стоимости как всеобщем свойстве товаров, о цене как форме стоимости образовали фундамент классической политической экономии, из которого выводились все явления экономики, включая ее функционирование. В современной экономике проблема богатства страны, его источников, эффективности экономики не только не исчезла, но весьма обострилась. Некоторые постоянно действующие причины непрерывно усиливают ее жизненную важность. Достаточно назвать рост численности населения планеты в результате развития цивилизации и возрастание дефицита ресурсов в силу их природной ограниченности. В современной экономической теории в последние два десятилетия господствует экономикс, состоящая из теории неок-

лассического синтеза, монетаристской теории, гипотезы о рациональных ожиданиях, теории предложения, «экономического империализма» и др. Политическая экономия практически удалена из образовательного процесса. Но не из научных исследований. Она сохранена в классификаторе ВАК, а главное — во многие отечественных и западных работах, в которых авторы исследуют современные проблемы на основе классической парадигмы.

Господство неоклассики (экономикс) привело к существенным потерям для науки и практики хозяйствования. Для того чтобы это обнаружить, необходимо сравнить трактовки предмета науки, ее метода и центральных теоретических положений классической политической экономии и экономикс. Таким образом, можно выявить их познавательный потенциал. Классическая политическая экономия прошла длительный путь развития, достигнув высшей точки на диалектическом этапе (марксистском). Мейнстрим по всем трем названным пунктам относится к неоклассическому направлению. Хотя оно далеко неоднородно, но в мейнстриме школы с серьезными расхождениями в базовых принципах неоклассики, например, кейнсианство, подвергаются процедуре так называемого неоклассического обволакивания, после чего становятся его составной частью. В связи с этим достаточно сравнить по отмеченным пунктам марксизм (классику) и неоклассику.

Предмет классической политической экономии и неоклассической теории

Решение проблемы предмета науки тождественно лаконичному определению изучаемого объекта. Проблема предмета науки заключается в выделении основной сути всех систем, т. е. в ответе на вопрос — что такое экономика?

А. Маршалл в конце XIX в. обобщил достигнутое к тому времени понимание предмета науки и ее метода в неоклассике. В его работе приводятся несколько формулировок предмета [11, с. 56-69]. Взятые вместе и, кроме того, спроецированные на реальное содержание его экономических трудов, они сводятся к определению предмета экономикс как теории рационального (максимизирующего выгоду) выбора субъектами из множества альтернативных возможностей.

В современном мейнстриме, по мнению П. Самуэльсона, наиболее распространены следующие определения предмета экономической науки: «1. Экономическая теория есть наука о видах деятельности, связанных с обменом и денежными сделками между людьми... 2. Экономическая теория есть наука о повседневной деловой жизнедеятельности людей, извлечении ими средств к существованию и использовании этих средств. 3. Экономическая теория есть наука о том, как человечество справляется со своими задачами в области потребления и производства. 4. Экономическая теория есть наука о богатстве» [15, с. 24]. И все же недостаточность выражения предмета науки, обнаруживаемая в дискуссиях, приводит ко все большему количеству определений, включающих какую-то сторону экономики, которая ранее не акцентировалась. В последнем издании учебника П. Самуэльсона приводится значительно расширенный, в сравнении с предыдущими изданиями, перечень распространенных определений предмета науки. Этим достигается некоторое приближение к реальной действительности, однако понимание предмета не выводится на качественно иной уровень. По-видимому, понимая это, автор отмечает, что «никакое определение предмета экономической теории не может быть точным, да в этом, по сути, нет необходимости» [15, с. 24]. Действительно, всю полноту содержания просто невозможно раскрыть кратким тезисом. Однако нельзя согласиться с мнением о том, что в этом нет необходимости. В определениях предмета науки в концентрированном виде выражается сама суть экономики. В такой форме легче увидеть правильность или, напротив, ошибочность научных поисков. Она позволяет обнаружить либо познавательную силу той или иной парадигмы, либо истоки заблуждений.

Все современные определения предмета экономикс логически сводятся к маршаллианскому. Так, легко убедиться, что популярная формулировка предмета как науки о ра-

циональном использовании ресурсов тождественна выбору наилучшей альтернативы, ибо оптимум находится в точке касания изокванты и изокосты. Экономические субъекты делают выбор в сфере обращения. Производство же в неоклассике трактуется как сфера исключительно технологическая. Одно из важных ее понятий — производственная функция — отнюдь не относится к производству. Она связывает затраты факторов производства с его результатами. Факторы выбираются на рынке капитала и труда, а результаты фиксируются на выходе производства, на рынках готовой продукции. Эта функция связывает вход и выход производства, но само производство игнорирует как сферу исключительно технологическую.

Таким образом, предмет неоклассики кратко резюмируется как теория выбора и ограничивается только сферой обращения. Производство же выброшено за пределы экономической науки. Тем самым неоклассика допускает потерю основной части экономического пространства. Кроме того, вне связи с производством не вся сфера обращения доступна познанию, а исключительно та ее часть, которая находится на уровне непосредственной видимости. Например, утеряны неоклассикой теория кругооборота, оборота, воспроизводства капитала, что дает гораздо более богатую информацию о жизнедеятельности и сбалансированности экономики, нежели поиск «точек касания», отражающих равенство двух параметров. «...Если бы с предметом было бы все в порядке, мы бы не страдали от стольких нерешенных и неожиданных проблем», — справедливо пишет Дж. К. Гэлбрейт о современном понимании предмета теории западными учеными [5, с. 402].

Обратимся к пониманию предмета науки в другом ее направлении — классической политической экономии. О предмете политической экономии существует весьма обширная литература, в том числе отечественная [7, 12, 14, 16, 19, 20, 21, 23 и др.]. В трактовке предмета науки имеются решения, по которым никогда не возникало разночтений. К ним относится определение предмета как системы производственных отношений между людьми по поводу производства, обмена, распределения и потребления материальных благ. «Политическая экономия есть наука о производственных отношениях», — это укоренившийся тезис классической политической экономии [8, с. 45]. Под производственными (экономическими) отношениями понимается система отношений между людьми, сущность которых состоит в

способе соединения производителей со средствами производства. Она генерирует остальные отношения и в сфере производства, и в распределении, обмене, потреблении.

Однако среди сторонников классического направления существует несколько отличное от этого понимание предмета политической экономии. Согласно ему, предметом политической экономии является диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений [23, с. 24-36; 6, с. 9-31]. Между двумя определениями предмета существуют некоторые различия, но несущественные. В «Капитале» К. Маркса, а также в трудах советских экономистов, система производственных отношений в действительности исследуется во взаимосвязи с производительными силами. Не случайно в «Курсе политической экономии» под ред. Н.А. Цаголова используются оба определения предмета — и как система производственных отношений, и как способ производства [8, с. 45]. В политической экономии социализма проблемы материально-технической базы, трудовых ресурсов постоянно находились едва ли не в центре исследований. Производственные отношения являются основным акцентом политической экономии.

Вне производительных сил системно раскрыть производственные отношения весьма проблематично, ибо они являются причиной их формирования. Невозможно обосновать и последовательно развернуть способ соединения производителей со средствами производства. Ведь способ соединения определяется именно уровнем производительных сил как причиной. Экономика в качестве только системы производственных отношений лишается значительного объема своего действительного содержания. Прежде всего она теряет свое двойственное строение, становясь бесструктурной. Производственные отношения являются формой развития производительных сил. Без них производственные отношения становятся бессодержательными, лишаясь средства своего развития.

Производительные силы представляют собой систему, образуемую взаимодействием труда и средств производства. Они выражают качественный уровень приспособления человека к природе. От этого, в конечном счете, зависит и благосостояние людей, и социальное устройство общества. По этой причине производительные силы являются производственными отношениями «в себе», или «свернутыми» производственными отношениями.

Предмет науки, понятый как диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений, является наиболее развитым определением сути экономики из всего, что получено всеми направлениями, школами и отдельными течениями. Этот краткий тезис содержит в себе, по сути дела, безграничную мощь. В нем присутствует возможность понять и отобразить всю структуру и законы каждой экономической системы, отличить одну систему от другой и проследить процесс превращения одной системы в другую. Он вобрал в себя всю экономику. Познавательная сила тезиса обеспечивается тем, что он содержательно выразил целостную структуру экономики без каких-либо потерь. Целостность включает в себя не просто весь объем содержания экономики, все взаимосвязи и регуляторы, но, прежде всего, основной принцип ее развития, формирующий эти взаимосвязи и регуляторы.

Диалектический характер взаимодействия противоположностей в качестве узлового момента содержит их взаимопревращение, посредством чего формируется содержание обеих сторон, и, следовательно, реализуется природа единого целого. Это же распространяется на взаимосвязи в экономике. Диалектика производительных сил и производственных отношений развертывается в диалектику самих производственных отношений, в диалектику отношений между людьми. А в рамках и посредством этих отношений, в свою очередь, совершается диалектика производительных сил. Диалектика производительных сил и производственных отношений, образующих экономику, включает диалектику каждой из сторон экономики.

Предмет классической политической экономии содержит источник развития экономики. Им является великий фундаментальный закон соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил. Он обеспечивает прогрессивную смену экономических систем, три этапа развития каждой из них, благодаря чему осуществляется историческое развитие. Неоклассика пренебрегает процессом развития экономики из-за того, что оперирует гораздо более бедным бессистемным пониманием ресурсов, позволяющим лишь операции классификации на виды и группы и определения пропорций между ними.

Диалектика производительных сил и производственных отношений предполагает изменение границ экономики. Их нельзя зафик-

сировать на вечные времена. Они качественно преобразуются с развитием производительных сил общества. Изменение границ экономического пространства происходит, как мы думаем, при крупных скачкообразных повышениях уровня производительных сил. Определения предмета политической экономии физиократами, а затем классиками не были простым исправлением теоретических ошибок. В данном случае теоретический синтез отражал развитие, качественные изменения самого объекта, т. е. онтологического синтеза экономики. Физиократы источником богатства считали сельское хозяйство. Крестьян и земледельцев они относили к производительному классу, а промышленных рабочих — к бесплодному классу. В доиндустриальной экономике, вполне вероятно, это было верно. Позднее к производительным сферам рыночной капиталистической экономики стали относить всю «реальную экономику» — сельское хозяйство, промышленность, строительство, инфраструктуру (транспорт, связь). Это не простое уточнение представлений о предмете науки. При смене экономических систем происходит возникновение новой сущности, нового функционального механизма и изменение границ экономического пространства. Изменение пространственных границ экономики и границ существования предмета политической экономии отражает новые созидательные факторы развития, вводимые в действие человеческим трудом.

В XX в. произошло еще одно изменение границ распространения предмета экономической науки в сравнении с периодом классиков (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс), когда сформировалось наиболее глубокое представление о нем. Это изменение вызвано активной ролью государства в экономике, его вмешательством в экономику. Государство превратилось в экономический субъект. Таковым оно является в рыночной регулируемой экономике и в плановой экономике. В конце XX в. стали заметными возникающие новые расширения границ существования предмета науки, адекватные изменению самой экономики. Наука превращается в непосредственную производительную силу. Это выражается в появлении третичного, четвертичного сектора экономики, сектора информационных технологий. Информационное производство становится основой обеспечения жизнедеятельности людей.

Расширение границ экономики и пространства существования предмета экономической теории иногда получает в некоторых работах гипертрофированное и даже ирра-

циональное отображение. С одной стороны, предмет науки искусственно дополняется социологическими явлениями, что размывает экономические понятия, увеличивает их неопределенность. С другой стороны, в гипотезах о «постэкономическом» обществе экономика вовсе уничтожается, будучи вытеснена социологией. И то и другое приводит к искажению реальной действительности и затрудняет ее исследование.

Таким образом, потери неоклассикой огромной и основополагающей части экономики — производства и части сферы обращения — неизбежно вызывают отрыв теории от практической жизнедеятельности людей. Об этом пишут и западные экономисты, отнюдь не марксисты. Так, Гэлбрейт писал по этому поводу: «Если бы с предметом было бы все в порядке, мы бы не страдали от стольких нерешенных и неожиданных проблем. ...Современная экономическая теория служит не пониманию и улучшению экономической системы, а целям тех, кто обладает властью в этой системе» [5, с. 402]. Без восстановления политической экономии как фундамента прикладных и отраслевых экономических наук и как образовательной дисциплины экономическая политика и практика предпринимательства обречены на отсутствие ориентиров и неожиданности, такие как, например, «внезапно» обрушившийся на мир в начале XXI в. глобальный кризис.

Метод классической политической экономии и неоклассики

В методологии неоклассики наблюдается довольно широкая палитра школ, суждений разного рода. Их философская база эволюционировала от позитивизма к неопозитивизму, что позволило обогатить арсенал теории математической символикой. Широкое применение в современных работах имеет метод логического позитивизма, основным требованием которого является условие принципиальной проверяемости научного знания либо методом фальсифицируемости (опровержения), либо верифицируемости (подтверждения) посредством эмпирических данных. Популярен, в частности, фальсификационизм Поппера, предъявляющий более строгие требования к эмпирическим тестам (необходима не единичная проверка, а целая серия) и допускающий, кроме этого, сопоставление альтернативных теорий (лишь альтернативная теория в состоянии опровергнуть проверяемую теорию). Эта методология разделяется не всеми западными экономистами. Она подвергается довольно ар-

гументированной критике. В частности, отмечается, что эмпирическая проверка может подтверждать не истинность или ложность предложенных идей, выводов, а случайные, частные зависимости либо применимость этих идей и выводов в определенных обстоятельствах.

Методология логического позитивизма в последние десятилетия эволюционирует к постмодернизму. Требование точности и строгости заменено принципами «сколько мнений, экзистенциальных переживаний, столько же истин», полифоничностью в решении проблем, толерантностью к выводам. Такая «демократизация» методологии не так безобидна, как может показаться на первый взгляд. Ее опасность заключается в атомизации исследовательского процесса и научных знаний. Помимо отмеченного по многим иным частным аспектам метода в современной неоклассике существуют разные подходы. По словам Блауга, «в послевоенной методологии не просматривается ничего похожего на всеобщий консенсус» [1, с. 56]. Тем не менее, существуют общие методологические подходы, объединяющие различные школы и авторов разных теоретических взглядов, например, А. Маршалла, Е. Бём-Баверка, Дж.М. Кейнса, в одно научное направление. Эти же общеметодологические принципы неизбежно приводят разных авторов к единству в центральных положениях теории.

В трудах основоположников экономикс и в современных работах экономистов этого направления обычно в качестве методов научного исследования называются дедукция и индукция, используемые в сочетании друг с другом, математический инструментарий (прежде всего — моделирование), а также эксперимент. Последние полтора десятилетия основной упор делался на разработку математических методов анализа доступного непосредственному наблюдению материала или на придании точности и строгости позитивистскому и неопозитивистскому подходам. Все эти приемы позволяли не вовлекать в анализ причинные и сущностные зависимости, концентрируясь на структурно-функциональных связях. Сущность экономических явлений в позитивизме отрицается и считается мистикой. Хотя А. Маршалл подчеркивал приоритет причинных зависимостей над функциональными связями, но реально исследовал именно последние. Конечно, последние обладают определенным потенциалом познания. Но граница возможностей здесь довольно близка. Полифоничность суждений по многим аспектам отнюдь не означает, что методологические

принципы в мейнстриме эластичны и неопределенны. Скорее, наоборот. В конечном счете, они выдерживаются довольно жестко и определено. Достаточно вслед за австрийским экономистом Ф. Махлупом сказать: «Взгляните на учебники, и вы увидите».

Общеметодологической основой неоклассики служит формальная логика, базирующаяся на законе тождества. Она обладает определенным познавательным потенциалом, но и ограничивает познание. Современные цифровые технологии, робототехника, автоматика, информатика обязаны формальной логике своим появлением. Однако закон тождества не позволяет отобразить развитие изучаемого объекта. Познавательные возможности формальной логики, несмотря на впечатляющие успехи цифровых технологий, имеют довольно четкий непреодолимый предел. Они ограничиваются механическими взаимодействиями, где части изолированы, обособлены, абсолютны, определенным образом структурированы, постоянны, а целое является суммой частей. Этот метод познания вступает в жестокие противоречия с принципом развития всего сущего. Функционирование экономической системы неизбежно ведет к ее развитию. Без него система рано или поздно погибает. Именно развитие оказалось недоступно неопозитивизму и формально-логическому методу, т. к. он основан на законе тождества. Все экономические понятия (полезность, спрос, труд, зарплата, капитал и др.) в неоклассике лишены внутренней структуры, поэтому могут изменяться лишь количественно. Модели различаются как статические и динамические. Последние допускают количественные, но не качественные изменения параметров. Поэтому динамика в действительности оказывается статикой, ибо при количественных изменениях параметров качество экономического процесса остается неизменным, постоянным. Именно в этом неоклассика несет значимые потери познавательного инструментария, ведущие к обеднению реального содержания рыночной экономики, к недоступности для анализа процесса экономического развития.

Другим принципом методологии классики является субъективно-психологический подход к экономике, что выражается принципами методологического индивидуализма, субъективным выбором, психологическими оценками полезности либо предпочтений, рациональными либо адаптивными ожиданиями, основным психологическим законом и т. п. Принцип методологического индивидуализма

лизма, начало которому положили И. Бентам, Дж.С. Милль, Л. Мизес, является доминирующей методологией современной неоклассики. Суть этого метода заключается в том, что экономика выстраивается как агрегированная сумма ее частей, а сами части некоторым образом задаются. Согласно методу методологического индивидуализма, экономика выводится посредством агрегирования решений, принимаемых «рациональным индивидом». Этот индивид программируется посредством трех основных математических аксиом рациональности. Именно в аксиомах содержится не программа «рационального» поведения реального человека в его абстрактном выражении, а изобретенная в голове исследователя конструкция, некая «виртуальная реальность». Это искусственное творение, взятое не из реальности, а из стремления получить искомым конечный результат. Ведь «рациональный» индивид примет столь же «рациональное» решение. Их сумма, т. е. рыночная экономика в целом, будет также во всех отношениях «рациональной» и эффективной. Далекие от реальности конструкции хорошо служат тем, кто обладает властью в рыночной экономике.

Гипотеза о «рациональном индивиде, максимизирующем свой выбор», лежит в основе важных составных частей экономикс — теорий предельной полезности и предельной производительности психологического характера. Однако в ней столько подводных камней, что она подвергается интенсивной критике сторонниками неоклассического же и институционального направлений. В интересующем нас аспекте подчеркнем, что потеря объективной основы экономики — производства и производительных сил — неизбежно ведет к изобретению иллюзорного мира и искажению реальной действительности.

Возражения современных экономистов, в частности С. Лукаса [24, с. 45-64], против трактовки методологического индивидуализма как «тривиального социального атомизма», не внесли дополнительных нюансов, изменяющих его действительно тривиальное содержание. Столь же безуспешной оказалась попытка отказа от психоневрологических трактовок экономического поведения индивида и перехода к социальной поведенческой мотивации, предложенная К. Поппером. Действительно, объяснения экономических явлений индивидуальным поведением не получило в современной неоклассике иного выражения, кроме агрегирования целого (отрасли, рынка, макроэкономики) из психологически детермини-

рованного поведения «рационального индивида». Критика этой методологии содержится во многих работах экономистов разных направлений и школ. Бунтом против нее в неоклассической среде явилась так называемая сраффианская революция. Весьма существенные аргументы о фундаментальной ошибочности методологического индивидуализма приведены Ходжсоном [18, с. 93-181]. Принцип методологического индивидуализма превращает неоклассику более в идеологическую доктрину, нежели в доказанную теорию

Заслугой неоклассики является адаптация математических методов, главным образом дифференциального исчисления. В классической политической экономии математика используется гораздо слабее. Однако неоклассические математические модели, к сожалению, больше приспособлены к решению идеологических задач, нежели к отображению действительной экономики. Это достигается посредством искусственного, никак не аргументируемого выбора предпосылок модели. Реальность при этом искажается, но математически безукоризненно получаются необходимые выводы, запрограммированные в предпосылках, создающие видимость точности и обоснованности. В этом и состоит то «математическое шарлатанство», которое отмечали Дж.М. Кейнс, Морис Алле и другие ученые неоклассического направления. Шарлатанство такого рода наносит весомый вред предпринимательской практике и дезориентирует принятие решений на макроуровне. Конечно, существуют модели, основанные на реалистических предпосылках, где получены результаты, адекватные действительности. В таком случае наблюдаются противоречия между выводами разных моделей, как, например, при сравнении эффективности совершенной конкуренции и олигополий.

Обоснование произвольности («нереалистичности») предпосылок экономической теории дал известный монетарист М. Фридмен. Его методологические представления приведем в резюмирующем изложении М. Блауга: «Фридмен высказывается в пользу инструменталистской методологии, в соответствии с которой научные теории являются лишь инструментами для прогнозирования природных и общественных явлений и все попытки считать теории чем-то большим — к примеру, скольконибудь достоверным объяснением причинно-следственных связей — могут быть отвергнуты как наивные. Его точка зрения заключается в отрицании необходимости основывать экономические построения на так называемых

реалистических построениях; он доказывает, что предположения типа «как будто» (*as if*) достаточны для достижения всех наших целей...» [1, с. 53-54]. Столь облегченное и произвольное отношение к методологии проложило путь «математическому шарлатанству» в теории, ибо позволяет сколь угодно искажать изучаемый объект. Оно служит инструментом разрушения накопленных в течение столетий знаний о рыночной экономике и самой экономике. Использование монетаристской модели в практике рыночных реформ принесло те же результаты, что и в методологии. Не случайно западные экономисты метко окрестили монетаризм «теорией-идеологией крайне правого толка», которая «помогла уберечь частную собственность» [3, с. 80].

Несмотря на дискуссии о методе, методологические проблемы в мейнстриме считаются не слишком привлекательными. «Методология не очень почитается современными экономистами, которые, по выражению Фрица Махлупа, страдают «методофобией». Печальным следствием этой распространенной «методофобии» стали посредственные методологические навыки большинства экономистов», — пишет М. Блауг [1, с. 53].

Этот своеобразный методологический нигилизм, по-видимому, объясняется стремлением приблизиться к решению практических задач. Однако именно это как раз, на наш взгляд, и удаляет науку от нее. Сошлемся на авторитетные оценки состояния современной неоклассической теории известными западными учеными. Так, в одной работе отмечается, что «...с 1970 г. состояние экономической теории оплакивалось в ряде ежегодных президентских обращений к Американской экономической ассоциации. В обращении Леонтьева (1971 г.) выражена явная озабоченность неспособностью экономической теории приблизиться вплотную к экономической действительности. В обращениях Тобина, Солоу, Хана, Брауна, Уорсвика — схожие мотивы. Ощущение недомогания отражено в ряде обзорных статей...» [13, с. 20-21]. Довольно часто западные экономисты утверждают, что «ни одно положение микроэкономики не применимо на практике». Причина столь безрадостных результатов неоклассической парадигмы заключена в ограниченности ее метода формальной логикой и субъективно-психологической трактовке экономических законов.

Понимание тождества метода и предмета является ключевым в методологии классической политической экономии. Согласно этому

принципу, содержание изучаемого объекта целиком обусловлено применяемым методом. Отсюда вытекает строгое требование к процессу абстрагирования — не допустить искажения реального объекта. Особенно тщательно аргументируются выбранные предпосылки исследования объекта на каждом уровне абстракции от тех или иных его признаков, ибо ошибки теории обычно коренятся в ее предпосылках. Сам же метод отнюдь не является набором искусственных приемов анализа, как это трактуется в неоклассике. Метод становится научным только в том случае, если отражает действительные черты реального мира.

Классическая политическая экономия в середине XIX в. адаптировала к исследованию экономики диалектический метод. Диалектическая логика, как известно, включает формальную логику в преобразованном виде в качестве одного из элементов. Основой диалектики является закон двойственности, частью которого является закон тождества. Познавательный инструментарий всех наук с возникновением диалектики значительно обогатился, ничего не потеряв из предыдущего багажа познания. Он позволил отразить главное в мире, частью которого является экономика. Этим главным является процесс развития, без чего ни одна материя, ни одно явление не может быть жизнеспособным. Диалектика же возникла именно для отражения непрерывно развивающейся материи.

Развитие — душа диалектики. Источник развития заключен во внутренней структуре экономики. Фундаментальным законом диалектики является закон раздвоения единого целого на противоположности. Раздвоение происходит посредством распределения свойств целого по принципу исключения и дополняемости. Целое формируется как единство противоположностей. Противоположные стороны могут взаимодействовать, обеспечивая жизнедеятельность целого. Суть взаимодействия состоит во взаимопревращениях противоположных сторон друг в друга, в результате чего целое превращается в свое иное, т. е. создает форму для реализации заложенных в нем потенциалов. Закон двойственности служит основанием диалектики, из которого возникают все остальные принципы, формы и закономерности. Он отражает внутреннюю структуру явлений. Взаимодействие структурных элементов обеспечивает ее превращение в другое явление. Превращения такого рода образуют систему, в которой реализуется весь потенциал, содержащийся в данном явлении.

Превращение противоположных сторон друг в друга является формой или способом развития объективного мира. Экономика, как описано выше, имеет две стороны — производительные силы и производственные отношения, взаимодействие которых обеспечивает ее развитие. В рыночной экономике развитие осуществляется посредством взаимопревращения стоимости и потребительной стоимости, в результате чего возникают превращенные формы. Нередко встречается восприятие превращенных форм как затушевывающих, искажающих их содержание. Это, конечно, верно. Иногда их именуют «превратными» формами. Однако эффект видимости не исчерпывает содержания превращенных форм. Гораздо важнее осуществляемое в процессе превращений развитие содержания, достигаемое в каждой из превращенных форм. В неоклассике, помимо динамических моделей, попытку объяснения развития рыночной экономики предпринял Й. Шумпетер. По его мнению, развитие происходит благодаря появлению новатора, вносящего качественные преобразования, изменяющие траекторию кругооборота капитала и смещение состояния равновесия [22, с. 157-159]. Но ведь это событие случайное, значит, и развитие экономики не может быть закономерным. Превращение экономических форм осуществляет процесс развития экономики, потому что здесь происходят одновременные изменения и качественные и количественные. Причем изменения такого рода закономерны, ибо они обусловлены внутренним строением экономики и каждого экономического явления. Неоклассические динамические модели не могут описать развитие моделируемого объекта, ибо измеряют лишь количественные изменения. Субъективно-поведенческое объяснение содержания развития не может обосновать его закономерность.

Диалектическая логика представляет собой запечатленные в виде правил, логических алгоритмов общие принципы строения и движения реального мира. Квантовая физика, спустя столетие после создания Гегелем диалектики, открыла двойственное строение мельчайшей частицы Вселенной — кванта, подтвердив тем самым диалектическое строение реального мира. Оказалось, что частицы, из которых состоит атом, — электроны, протоны, нейтроны и др. имеют волновые свойства. Двойственность волны-частицы присутствует в строении объективного мира. Следовательно, диалектический метод есть адекватное отражение всей действительности на уровне

единства всего мира. Научность этого метода состоит в том, что в нем воплощены абстрактные черты реальной действительности. В силу этого он является объективным. Посредством диалектического метода политическая экономия раскрыла целостную систему капиталистической экономики. В отличие от неоклассики все ее понятия имеют двойственную внутреннюю структуру. Взаимодействие структурных элементов обеспечивает развитие рыночной системы, частью которого является ее функционирование.

В неоклассике диалектику считают непрактичным методом. А в результате сама парадигма пока демонстрирует свою полную непрактичность, о чем с беспокойством заявляют ее маститые авторитеты. «Мистикой», «сумасшедшим методом», «унижением разума» и иной «толерантной» бранью рассыпался в адрес диалектики либеральный философ К. Поппер¹. В действительности диалектика — яркое торжество разума, ибо безо всяких приборов, синхрофазотронов, адронных коллайдеров разум открыл истинные принципы устройства объективного мира, что позднее подтвердила современная физика.

Диалектическая логика и представляет своего рода «фотографию» общих черт реального мира. Она зафиксировала знание человечества на данное время об общих принципах, образующих единство многообразного мира. По этой причине диалектический метод является эффективным методом познания во всех науках, включая экономику. Он дает четкие ориентиры мышлению, предостерегающие его от ошибок. Это не означает, что в нем заключена способность дать все ответы на вопросы о содержании изучаемого предмета. Диалектика выражает общее в многообразном мире. Но различия в нем каждой материи имеют не меньшую силу. Законы экономики отличны от законов неживой материи или биологической материи. Поэтому каждая из специальных наук, включая экономическую теорию, применяет индуктивный метод. Однако к нему применяется строгое требование встроенности в диалектические связи. Кроме того, важно отметить, что миропонимание постоянно расширяется, уточняется, изменяется. Соответственно, будет углубляться и теория познания.

Таким образом, благодаря соответствию диалектического метода объективной действительности политическая экономия обладает

¹ Анализ критики Поппером диалектики см.: [6, с. 41-45; 159-163].

способностью адекватно отображать экономическую реальность. Опыт применения математических методов неоклассикой усилит ее возможности, так как в политической экономии разработана методика двойственных проверок предпосылок анализа, с тем чтобы исключить искажения изучаемых реальных экономических процессов.

Центральные теоретические положения классической политической экономии и неоклассики

В неоклассике основным достижением является теория общего рыночного равновесия. Центральный пункт теории заключается в выводе о способности рыночного механизма обеспечить (за некоторым исключением) устойчивое общее равновесие всей экономики. В математических моделях Вальраса, Эрроу — Дебрё доказывается существование рыночного равновесия и единственность его решения. Обсуждаемой и трудной проблемой теории общего равновесия является процесс корректировки неравновесных сделок, т. е. способ его обеспечения в реальной действительности. По Вальрасу, таковым является процесс «нащупывания», действия рынка наощупь. Эджуорт предполагал, что равновесие образуется в процессе «перезаключения контрактов». Современные экономисты апеллируют к фьючерским рынкам, уравнивающим предложение со спросом. Подводя итог попыткам решения этой жизненно важной для теории общего равновесия проблемы, Блауг отмечает: «Ни Эджуорт, ни Вальрас не дали убедительного ответа на вопрос, как в реальном мире конкурентные рынки достигают общего равновесия. В некотором смысле такого ответа так и не было дано» [2, с. 535]. Таким образом, теория общего рыночного равновесия существует, по нашему мнению, как абстрактная идея, иллюстрируемая алгебраическими уравнениями и графиками, не являющимися научными аргументами ее адекватности реальной действительности. Между тем, в современной неоклассике теории общего равновесия принадлежит роль «краеугольного камня», схожая с ролью теории прибавочной стоимости в теории Маркса.

Важной составной частью теории общего равновесия является решение проблемы эффективности и социальной справедливости рыночной экономики. В модели Эджуорта разработаны довольно изящные доказательства того, что состояние конкурентного рыночного равновесия является оптимальным.

Согласно модели, в точке равновесия достигается эффективность в производстве (минимизируются издержки, максимизируются объемы выпуска); эффективность в потреблении (максимизируется совокупный излишек производителей и потребителей); эффективное (Парето-оптимальное) распределение ресурсов по отраслям; полное использование ресурсов, производится потенциальный объем выпуска продукции. Монополия, олигополия и государственное регулирование рыночной экономики, согласно общепринятой доктрине, также обеспечивают общее равновесие, но с потерями эффективности (с «мертвым грузом»), а потому — не являющееся оптимальным. Остается непонятным, почему же эти несовершенные и неэффективные структуры возникли в реальной жизни. Какая необходимость заставила предпринимателей, капиталистов отойти от совершенного механизма и заменить его менее эффективным? Как могло возникнуть государственное регулирование, без которого немислима ни одна развитая экономика, коль скоро оно сопровождается «мертвым грузом», т. е. неиспользуемыми ресурсами, неэффективностью, что идеально выполнялось конкурентным механизмом? На эти вопросы трудно найти ответы в мейнстриме.

Для ответа на поставленные вопросы обратимся к эталону экономической эффективности — модели совершенной конкуренции. В ней принято большое множество продавцов и покупателей, производящих однородный продукт при свободном входе и выходе на рынок и полной их информированности о рыночной конъюнктуре. При таких условиях никто из рыночных агентов не может повлиять на цену. Равновесная цена диктуется рынком. Издержки производства однородных продуктов могут отличаться незначительно в силу полной информируемости продавцов о технологиях. Следовательно, предельные издержки их продуктов равны. Будучи рациональными, производители определяют равновесный объем выпуска продукции в точке равенства предельных издержек рыночной цене ($P = MC$). Чем же они будут конкурировать друг с другом и с покупателями? Ведь перечисленные предпосылки модели жестко фиксируют все параметры принятия решений. Получается парадокс: в модели совершенной конкуренции ... конкуренция отсутствует как таковая! Возможно, именно поэтому она и служит эталоном эффективности, но это далеко не рыночный эталон. В другой неоклассической модели при сравнении эффективности монопо-

лий и совершенной конкуренции допускается, как обычно, ошибка в предпосылке о равенстве их предельных издержек. В действительности крупное производство снижает издержки методами, недоступными мелкому производству. Прежде всего, это достигается разработками и внедрениями инновационных техники, технологий и организации. Это обстоятельно доказано К. Марксом, что разделяли также А. Маршалл, Дж.К. Гэлбрейт и другие видные экономисты. Если исправить допущенную в модели ошибку, поместив предельные издержки конкурентного производителя на графике выше и влево по отношению к монопольным, то вывод об эффективности этих рыночных структур изменится на противоположный.

Ложные выводы о функционировании рыночного механизма, полученные в общей теории рыночного равновесия, имеют отнюдь не академическое значение. Они негативно отражаются на практике хозяйствования во многих отношениях. Прежде всего, они дезориентируют ее, направляя в сторону наименее эффективного и архаичного хозяйствования. В то время как классическая политическая экономия выявила и неопровержимо доказала закономерные пути развития рыночной экономики, где последующие формы эффективнее предыдущих, в силу чего последние постепенно вытесняются из экономического пространства.

На основе теории общего рыночного равновесия весьма сложно объяснить технический прогресс и инновации. Многие учебники неоклассического направления вообще не рассматривают эти проблемы. Некоторые посвящают этому всего лишь параграф, где описываются виды технического прогресса и правила выбора технологий в форме количественного соотношения между капиталом и трудом, максимизирующего прибыль. Основное средство развития экономики — научно-технический прогресс, рост производительности труда оказывается на задворках теории. Имеются модели, специально изучающие эту проблему. Они влияние НТП выражают посредством коэффициентов, либо экспоненциально растущих переменных, т. е. количественно, что далеко не исчерпывает влияния технического прогресса и базовых инноваций на экономику.

Неоклассическая теория общего рыночного равновесия исключает возможность экономического кризиса, поскольку, согласно этой теории, всякое отклонение от равновесия приводит в действие конкурентные рыночные силы, уничтожающие это отклонение и неизбежно

возвращающие экономику в состояние равновесия. Она не согласуется с фактами постоянной безработицы, незагруженности производственных мощностей. Ничуть не смущаясь, безработицу называют «естественной», включая сюда не только фрикционную, что соответствует действительности, но и структурную, что ее искажает. В результате создается видимость «полного использования ресурсов» и эффективности. Исключение составила Великая депрессия 30-х гг. прошлого века. Ответом на нее была теория Кейнса, доказавшая необходимость государственного регулирования спроса, инвестиций, цен, доходов. Память о Великой депрессии хоть и жива, но все же сокрылась за дымкой десятилетий. Критика рыночного механизма была переведена на олигополии, монополии и государство. Но современный глобальный кризис вновь обострил вопрос о согласовании теории общего рыночного равновесия с фактом очередного экономического кризиса. Во время кризиса резко вырос интерес к «Капиталу» Маркса, ибо ответы, касающиеся этого явления, в мейнстриме вряд ли кого-нибудь могут удовлетворить.

Теория общего равновесия не связана с теориями цены, денег, распределения доходов. Она лишь утверждает эффективность производства, обмена и справедливость распределения доходов. Но постоянное наличие неиспользуемых ресурсов, возрастающее в историческом времени имущественное неравенство людей не подтверждают эти тезисы. Поэтому даже в стане неоклассики теорию равновесия критикуют как ограниченную и «крайне удаленную от практических задач» [2, с. 390]. Теория общего рыночного равновесия не объединяет частные теории в единое целое, хотя об отражении экономики как целого писали Курно и Вальрас. Такая цель недоступна при ограниченной трактовке предмета и не связанном с ним методом. Мейнстрим представляет собой набор частных моделей, объединенных общей методологией и идеологией. Однако никаким сколь угодно большим количеством моделей полно и адекватно описать содержание экономики невозможно из-за теоретической их разрозненности и противоречивости.

Между тем классическая политическая экономия проблему сбалансированности рыночной экономики раскрыла, не фиксируя состояния равновесия, что препятствует ее развитию. Она решается противоположным неоклассике образом, а именно как составной элемент процесса воспроизводства общественного капитала. Воспроизводство же включает в себя,

прежде всего, постоянное возобновление отношения наемного труда и капитала; условия его непрерывной повторяемости и сбалансированности; способ осуществления этих условий. В «Капитале» К. Маркса (в I, II и III томах) три составные части воспроизводства исследуются на трех методологических уровнях. Лишь в таком постоянном движении раскрывается вся полнота содержания процесса воспроизводства рыночной экономики. Условия сбалансированности или равновесия выражаются посредством пропорций обмена двух основных подразделений экономики соответствующими частями новой стоимости. Производной от этих пропорций является равенство спроса и предложения, а потому вне своей основы оно становится бессодержательным, что происходит в неоклассике. Отсюда ясно, что столь воспеваемое состояние общего рыночного равновесия представляет собой лишь момент в непрерывном процессе воспроизводства. Оно отнюдь не устойчиво. К тому же не так уж и радостно. Действительно, в фазе подъема равновесие невозможно, ибо каждый капитал мчится к прибыли, опасаясь обгона конкурентов, не согласуя ни с кем своих планов. Именно в фазе подъема образуется максимальный дисбаланс в экономике. Поэтому в высшей точке подъема экономика обрушивается в кризис. Кризис в рыночной экономике является единственным способом обеспечения сбалансированности, т. е. равновесия. Общее рыночное равновесие устанавливается, по нашему убеждению, на том отрезке цикла, когда кризис достигает своей низшей границы, дна. Как видим, общее рыночное равновесие, выводимое из «рационального» поведения индивидов и трактуемое только как равенство спроса и предложения, дает весьма бедную информацию о реальных процессах в экономике.

Облегченное отношение современной неоклассики к качественной стороне экономики, непонимание открытого марксистской теорией процесса взаимопревращения форм нередко приводит ее к непреодолимым трудностям. Остановимся на трактовке здесь центрального в рыночной экономике понятия капитала. Наиболее традиционно отождествление капитала со средствами производства, инвестиционными ресурсами, капитальными товарами. Рабочая сила наемных работников не является в этом случае капиталом. Источник создания и накопления капитала исчезает из экономики. Весьма распространена классификация капитала на физический (вещественный), финансовый, человеческий, интеллектуальный [17,

с. 657-658]. Традиционно классификация видов капитала дается без определения понятия «капитал». В этом случае неясен критерий отнесения столь различных объектов к капиталу. Логическая некорректность слишком очевидна. Так, Вэриан пишет о факторах производства: «Они часто подразделяются на крупные категории, такие как земля, труд, капитал и сырьевые материалы. Смысл понятий «земля», «труд» и «сырьевые материалы» достаточно очевиден, однако понятие «капитал» может быть для вас новым. Капитальные товары — это такие вводимые в производство ресурсы, которые сами являются товарами, произведенными в процессе производства.... Иногда понятие «капитал» применяется для описания тех денег, которые используются для открытия предприятия или его финансовой поддержки. Но мы будем использовать для этого термин финансовый капитал», а для обозначения факторов производства, созданных в процессе производства, — термин «капитальные товары» или «физический капитал» [4, с. 339-340].

Здесь едва ли не все вызывает удивление. Понятие труда в капиталистической экономике политическая экономия раскрыла полностью. Однако для этого потребовалось свыше двух с половиной столетий. Неужели очевидным является двойственная структура труда, о чем гении политической экономии — А. Смит и Д. Рикардо — лишь догадывались? Разве понятие переменного капитала, его внутренняя структура или формы, возникающие в процессе его оборота, — очевидны? Если это так, то по какой причине труд не присутствует в качестве основного элемента капитала, ибо в производстве именно он создает капитал? Сырье в приведенном суждении не является капиталом. Часто употребляемое определение «капитал — это капитальные товары» простая тавтология, т. е. отсутствие определения. Наконец, как выше отмечалось, здесь также неясен критерий отнесения орудий труда («физический капитал») и денег («финансовый капитал») к разновидностям одного и того же — капитала. В приведенной цитате смысл слова «понятие» скорее обозначает — «термин». Как тут не вспомнить горькие сетования Гегеля по поводу того, что в его время «ничему не приходится столько страдать, как понятию!» Известно, что понятие в субъективной логике соответствует такому уровню исследования объекта, когда полностью раскрыто его содержание. Так, в «Капитале» понятие «капитал» определяется посредством непрерывно развивающихся категорий во всех трех томах.

Пробелы в таком фундаментальном для капиталистической экономики понятии, каковым является капитал, вызывают сожаления. Ведь экономическая теория всемерно его раскрыла. Разве не выглядят жалкими попытки определить капитал посредством его простейшей классификации на фоне четкой картины его движения в трехмерном пространстве, полученной в политической экономии? Ведь в теории кругооборота все его формы и состояния органически едины, а их непрерывное движение отражает реальную жизнь капитала, а не отдельные фрагменты этой жизни. Краткий анализ состояния представлений о капитале в современной теории неоклассического синтеза свидетельствует о том, что классическая политическая экономия не только не устарела, но находится много впереди доминирующей ныне теории, поскольку здесь глубже и точнее раскрыта природа и функционирование рыночной экономики. Это же отмечал и лауреат Нобелевской премии В.В. Леонтьев: «Современная экономическая теория ограничивает себя существенно более узким набором проблем, чем тот, который включается в сферу интересов марксистской политэкономии. Множество элементов, рассматриваемых как заданные в первой системе, считаются производными во второй» [9, с. 110].

Классическая политическая экономия на диалектическом этапе своего развития раскрыла капиталистическую рыночную экономику как органическую целостность. Истинное отражение действительности достигается посредством системы, формирующейся из единого закона развития. В «Капитале» К. Маркса, как и у А. Смита и Д. Рикардо, системообразующим является закон стоимости, составной частью которой является прибавочная стоимость. Классическая теория обладает качеством органической целостности благодаря тому, что все известные наблюдаемые факты и явления выведены из этого закона, и не обнаруживается ни одного из них, который бы не соответствовал этому требованию. Это позволяет все элементы системы раскрыть во взаимосвязи друг с другом, а их природу понять как однородную, т. е. принадлежащую данной системе. Обусловленные единым законом развития и выведенные теорией из этого закона разнообразные факты, явления рыночной экономики оказываются сторонами, образующими органическую целостность.

Теория, отобразившая экономическую систему как органическую целостность, может претендовать на истинность, ибо она обладает

потенциалом единообразного и логически непротиворечивого объяснения всех существующих и вновь возникающих явлений действительности. Этот потенциал заключается в верном понимании единого закона развития экономики как таковой, единого закона развития каждой отдельно взятой экономической системы. Сконструированные же мыслью единообразные принципы, характерные для неоклассической методологии, неизбежно обнаруживают несоответствия с реальной действительностью, опровергаются этим. Их унифицированное применение к множеству явлений экономической системы не позволяет отобразить ее целостное пространство. Так, в неоклассике исчезают из экономики ее важнейшие части. Применение единообразных правил, лишенных экономического содержания, замена их психологией в неоклассике, либо юридическими нормами, традициями, организационными структурами — в институционализме, не дают возможности отобразить процесс развития экономической системы. Функциональные зависимости в таких трактовках часто становятся недоступным, ибо они являются составной частью процесса развития системы. Ни одному из этих научных направлений пока не удалось представить экономику в ее целостном облике развивающегося организма.

Все экономические системы в действительности представляют собой органически целостный организм. Существование в каждой из них наряду с доминирующими отношениями переходных экономических форм обуславливает остроту противоречий, напряжений в механизме функционирования, но органическую целостность экономики не отвергает. Однородность системы определяется более глубинным, в сравнении с названным выше единым (основным) законом каждой отдельной экономической системы, основанием экономики — законом соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил. Этот закон управляет судьбой переходных отношений. Одни из них уходят с исторической арены, другие определяют будущее экономической системы. Им является трудовая теория стоимости и прибавочной стоимости. Из стоимости и прибавочной стоимости органично выведены деньги, цены, теория доходов, теория общественного воспроизводства, теория конкуренции, раскрыто функционирование рыночного механизма. Все наблюдаемые явления и факты получили непротиворечивое объяснение и служат стабильными ориентирами для экономической практики. В теории вос-

производства отражены основные пропорции сбалансированного функционирования экономики, которые обуславливают в том числе и равенство спроса предложению. С другой стороны, здесь непротиворечиво раскрыта необходимость экономических кризисов в качестве средства достижения этих пропорций. Общее рыночное равновесие и периодические кризисы — эти столь противоположные состояния экономики — запрограммированы в содержании стоимости и ею же обусловлены.

Критерием истинности теории является ее способность отобразить экономическую систему как непрерывно развивающуюся из единого закона органическую целостность. Принципы верифицируемости, измеряемости, опровергаемости, прогностических возможностей теории и др., конечно, являются вполне научными критериями истинности теории. Они необходимы, но недостаточны. Их применение возможно для проверки промежуточных результатов исследования в качестве составных элементов сформулированного конечного критерия.

Политическая экономия создала единственный в экономической теории образец органически целостной экономической системы, все части которой связаны единым законом развития. Поэтому она в принципе никогда не устаревает методологически. Теоретические ее результаты устаревают лишь тогда, когда рыночная

экономика канет в Лету. В современной экономике она потеснена весьма заметно, но все же существует и, пожалуй, доминирует над встроеными централизованными формами и регуляторами. Этим диктуется научная и практическая востребованность открытых политической экономией законов рыночной экономики. Однако развитие экономики происходит непрерывно. Следовательно, теории «Капитала» и теории государственно-монополистического капитализма при всей их актуальности недостаточно. Появилась качественно новая техника, информационные технологии, вырос уровень обобществления производства, перешагнувший национальные границы, зарождается наднациональное регулирование некоторых экономических процессов. Это требует научного исследования.

Решение современных проблем, вызовов XXI в. будет неэффективным и медленным, если к ним подходить эмпирически или на зыбком, не оправдавшем себя теоретическом основании. Для их решения классическая политическая экономия располагает хорошо проверенным методологическим аппаратом диалектики и строго обоснованной теоретической базой. Актуализация научных достижений политической экономии позволит восполнить потери содержания современной экономики, допущенные неоклассической теорией, и преодолеть ее теоретические тупики.

Список источников

1. Блауг М. Несложный урок экономической методологии // THESIS. Научный метод. — 1994. — Т. II. — Вып. 4.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — М.: Дело ЛТД, 1994. — 687 с.
3. Браунинг П. Современные экономические теории — буржуазные концепции. — М.: Экономика, 1986. — 160 с.
4. Вэриан Р. Хэл. Микроэкономика. Промежуточный уровень : учебник. — М.: Юнити, 1997. — 767 с.
5. Гэлбрейт Дж. К. Экономическая теория и цели общества. — М.: Прогресс, 1976. — 404 с.
6. Зяблюк Р. Т. Трудовая теория стоимости и полезность. — М.: ТЕИС, 2001. — 448 с.
7. Кузьминов И. И. Очерки политической экономии социализма. Вопросы методологии. — М.: Мысль, 1971. — 349 с.
8. Курс политической экономии : учеб. пособие / Под ред. Н. А. Цаголова. — М.: Экономика, 1973. — Т. 1. — 831 с.
9. Леонтьев В. Экономические эссе. — М.: Политиздат, 1990. — 416 с.
10. Маркс К. Капитал. Т. I, II, III. — М.: Политиздат, 1949-1950. — 795с., 531с., 933 с.
11. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. I. — М.: Прогресс, 1983. — 415 с.
12. Покрытан А. К. Экономическая структура социализма. — М.: Экономика, 1985. — 263 с.
13. Ричард Р. Нельсон, Сидней Дж. Унтер. Эволюционная теория экономических изменений. — М.: Дело, 2002. — 536 с.
14. Румянцев А. М. О категориях и законах политической экономии коммунистической формации. — М.: Мысль, 1966. — 386 с.
15. Самуэльсон П. Экономика : учебник. — М.: Прогресс, 1964.
16. Сергеев А. А. Структура производственных отношений социализма. — М.: Наука, 1979. — 240 с.
17. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика : учебник. — М.: Дело, 1993. — 829 с.
18. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. — М.: Дело, 2003. — 464 с.
19. Цаголов Н. А. Вопросы методологии и системы политической экономии. Избранные произведения. — М.: Экономика, 1982.
20. Черковец В. Н. Политическая экономия. — М.: ТЕИС, 2005. — 373 с.

21. Шкредов В. П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. — М. : Изд-во МГУ, 1973. — 273 с.
22. Шумпетер Й. Теория экономического развития. — М. : Прогресс, 1982. — 454 с.
23. Юткин А. И. Метод исследования системы производственных отношений в «Капитале» К. Маркса. — М. : Изд-во МГУ, 1985. — 151 с.
24. Lukes A. The Meanings of «Individualism» // Journal of the History of Ideas. — 1971. — №32. — P. 45-64.

УДК 330.110:338.1

Ключевые слова: политическая экономия, неоклассическая теория, предмет и метод экономической теории, общее рыночное равновесие, совершенная конкуренция, эффективность экономики, сбалансированность экономики, развитие экономики, превращение форм как механизм развития экономики, органическая целостность экономики